

УДК 811.161.1'373.21 Людмила Фомина,

Лиана Гукова

(Одесса)

ТРАДИЦИОННЫЙ ФОРМАНТ –СК В ЭКСПРЕССИВНОМ ТОПОНИМИКОНЕ

У статті розглянуті нестандартні астіоніми – назви міст України і Росії, утворені за допомогою традиційного суф.-ск, які функціонують у молодіжному середовищі. Показано, що цей суфікс не втрачає продуктивності і при наявності різних семантичних і структурних трансформацій первісної назви.

Ключові слова: експресивність, топонімія, молодіжний сленг, семантичні процеси в деривації, лінгвокреатив.

The article observes the nonstandard astionims – the names of the cities of Ukraine and Russia, formed with the help of the traditional suffix –sk, which function in the youth environment. This suffix is proved to keep its productivity in case of different semantic and structural transformations of the initial name.

Key words: expressivity, toponymy, youth slang, semantic processes in the derivation, lingvo-creativity.

Будучи единицами лексической системы, топонимы в живой речи и в художественном дискурсе могут, выполняя номинативную функцию, выступать также носителями экспрессивной функции, усиливая различные коннотативные характеристики, в частности оценочность и эмотивность. Экспрессивность языковых единиц, по мнению современных лингвистов, служит для усиления выразительности и воздействующей силы высказывания. "Под экспрессивностью понимают один из компонентов коннотации, внутренне присущее свойство слова. В иерархии компонентов коннотации экспрессивность занимает подчиненное положение, способствуя с помощью семантической контрастности лучшему донесению логической и эмоционально-оценочной информации до перцепиента" [13, с 320]. В последнее время многие ономатологи исследуют функциональные особенности топонимов в художественном тексте, где, как указывал Ю.А. Карпенко, их стилистический потенциал формируется за счет насыщенности ими текста, за счет интерпретации внутренней формы и отчасти за счет образования экспрессивных топонимических единиц, которых, по его мнению, в языке не очень много [8, с. 54 – 55]. С этим нельзя не согласиться, если иметь в виду пространство литературного языка, включающего все его нормативные проявления. Хотя и здесь экспрессивные резервы языка велики, поскольку такие языковые феномены, как перифразы, поэтические синонимы, художественные дескрипции, расширяют и обогащают арсенал выразительности географических обозначений. Если же учитывать весь национальный континуум языка с его ненормативными субкодами, такими, в частности, как молодежный сленг, широко проникающий в масс-медиа и разговорную речь взрослых носителей языка, распространенность в интернет-коммуникации абсолютной языковой свободы, то предстанет совершенно иная картина.

В данной статье мы привлекаем внимание к богатейшему экспрессивному топонимикону, представленному в пространстве Интернета [14] и отражающему неофициальные (ненормативные) эквиваленты стандартных названий городов России и Украины. Этот пласт

молодежных геономинаций частично уже был в поле зрения исследователей: как арготические их рассматривает в ряде работ Е.С. Отин, предложивший для них термин сленгоним [9; 10]; об актуализации их прагматического потенциала писали мы в нескольких статьях [1; 2; 3]; региональным экспрессивным топообразованиям посвящены труды некоторых российских исследователей [12]. В данной работе мы сосредоточим внимание на использовании в экспрессивном топонимиконе такого традиционного деривационного средства, как суффикс –ск-, и на тех словообразовательных и мыслительных процессах, которые при этом протекают. Наблюдения над способами образования экспрессивных топонимов, а также сопряжёнными с этим семантическими приращениями и процессами мышления позволяют исследовать механизм связи и вербализации сознания и некоторые национальные особенности носителей языка на данном участке ономастического поля [17]. Мы показываем разные типы эквивалентов и способы образования экспрессивных номинаций от нейтральных топонимов при сохранении их прежней референтной соотнесённости, но с вытекающим из новой формы изменением семантики, прагматической установки, стилистической окраски и сферы функционирования.

В древнерусском языке, обладающем, как и современный русский язык, большими аффиксальными возможностями, суффикс –ск явился тем продуктивным словообразовательным морфом, с помощью которого образованы названия многих древних русских городов: Меньскъ (до XVIIIв. так назывался Минск, от названия реки Менка (Меня); первое упоминание в "Повести временных лет" под 1067 г.), Брянск из Дьбряньскъ (первое упоминание в Ипатьевской летописи под 1146 г.), Мценск (упомянут в документах 1147 г.), Козельск (упомянут в 1146 г.), Мосальск (упоминается в документах 1231 г.), Мещовск (известен с XII в.) [8, с. 40] и мн. др. городов. Эти названия первоначально представляли собой относительные прилагательные в краткой форме. Но поскольку топонимы – это имена существительные, то в этом лексико-грамматическом классе произошла специализация суффикса –ск, и он приобрел здесь исключительно топонимическое значение и при этом маркирующее именно названия городов. Об этом свидетельствуют многочисленные топонимы советского периода, номинации новых городов: Ангарск, Советск, Волгодонск, Комсомольск, Оленегорск, Ильичёвск. К этому типу примыкают названия городов, мотивированных фамилиями на –ский(-цкий): Пржевальск, Дзержинск, Урицк [15, с. 226].

М.А. Цеханович в работе, посвященной этому топоформанту в его исторической динамике, показывает, как изменяется структура топонима с суффиксом –ск при изменении административного статуса населенного пункта: в тех случаях, когда села перерастали в города, их обычная финаль –ское изменялась на –ск. Например, село Никольское, но город Никольск (Вологодской обл.); село Павловское, но город Павловск (Ленинградской обл.). Так возникли астионимы (собственные имена городов) Благовещенск, Борисоглебск, Сретенск, Троицк, Павловск и др. [18]. Таким образом, суффикс –ск при нулевом окончании с древнейших времен был и всегда оставался активным и продуктивным "городским" словообразовательным средством. Молодежный сленговый топонимикон подчиняется, однако, другим законам. Здесь главный способ – усечение в его разнообразных вариантах: с финалями на согласный: Алекс (Александров), Долгоп (Долгопрудный), Ек и Екат (Екатеринбург), Зелень (Зеленоград), Злат (Златоуст), Ирк (Иркутск), Кёниг (вар. Кёник) (от немецкого названия Калининграда Кёнигсберг), Ярск (Красноярск), Владик (Владивосток и Владикавказ), Днепр (Днепропетровск), Севас и Севаст (Севастополь), Симф и Симфер (Симферополь) — или на гласный: Орджо (от старого названия Владикавказа Орджоникидзе), Долгопа (Долгопрудный), Канда (Кандалакша), Конда (Кондопога), Коста (Костомукша), Комса (Комсомольск-на-Амуре), Ёшка (Йошкар-Ола), Беры (Березники). Сокращение коснулось и некоторых официальных топонимов с исследуемым формантом, при этом телескопическое сокращение (усечение срединной части) находим в

сленговых номинациях Ульск (Ульяновск), Семск (Семипалатинск), Свердловск (Свердловск), Краск, Крск и Кырск (Красноярск), а усечение первого элемента сложно-суффиксального деривата Красноярск даёт краткое Ярск.

В целом сленгонымы с формантом –ск занимают в молодёжном топонимическом пространстве заметное место, а процессы их образования и семантические приращения в них отличаются неоднородностью. В их массиве обнаруживаем в соответствии с классификацией производных слов, предложенной Е.С. Кубряковой (с точки зрения способов расширения их семантики), аналогические, корреляционные и дефиниционные словообразовательные процессы.

Аналогические производные, ориентирующиеся на определенный образец, в экспрессивном топонимиконе преобладают. "В этих словообразовательных процессах по аналогии механизмом процесса является копирование готового образца, причем образцом для подражания становится знакомая лексическая единица с определенной внутренней формой, которую и повторяет говорящий в акте номинации" [6, с. 26]. Производящей базой для ненормативных астионимов такого типа выступает официальная номинация, содержащая аффикс –ск. Особенностью словообразовательной трансформации является, при сохранении фонетической структуры слова (количества слогов и звукового сходства), игровое изменение мотиватора с целью достижения комического или саркастического эффекта: Чикагинск (Челябинск), Сверхжлобск (Свердловск), Лоханск (Луганск), Днепропыльдымск (Днепродзержинск), Днепрожидовск (Днепропетровск). Семантика данных новых названий с актуализированной внутренней формой отражает аллюзию (отсылку) к представлениям о заморском мегаполисе, национальной и поведенческой особенностям городов, об их экологическом неблагополучии. Мертвящее воздействие промышленности на человека в городах актуализируют номинации-трансформы: Крематорск и Крематоровка, Некропетровск и Фенопетровск. Номинация Фенопетровск, по нашему мнению, в первом своем элементе отсылает к фенолу – токсическому веществу, вызывающему ожоги при попадании на кожу, (но, возможно, и к фене – блатному языку); в обобщенном смысле – это экспрессивное название города, проживание в котором несет угрозу как физической, так и духовной жизни человека. Экспрессивность подобных номинаций создаётся, естественно, не суффиксом –ск, а включением когнитивных сем, отражающих аксиологические компоненты в восприятии и интерпретации названных топообъектов. В большинстве случаев здесь активизирована собственно лингвокреативная деятельность номинатора. Например, в именовании Ижмурск представлено соединение части нейтральной номинации города (Иж-евск) с частью официальной номинации республики (Уд-мур-тия) и далее с топоформантом –ск. Но на выходе в семантические регистры топонима включается ещё и ассоциация с жаргонными жмур, жмурик "покойник", в результате чего возникает эффект языковой игры. В других случаях этот эффект опирается на иные, собственно лингвальные связи. Так, в экспрессивном разговорном топониме Сверхжлобск видим, как на паронимо-фонетическую аллюзию (Свердловск – Сверхжлобск) накладывается интерпретационный, оценочный компонент от включения просторечного слова жлоб. Существенными во всех случаях такого типа оказываются семантическая связь (иногда аллюзия) с нейтральной (официальной) номинацией, сохранение узнаваемости и включённость в семантико-стилистическую парадигму топонима.

Корреляционные процессы происходят в парах слов, также находящихся в отношениях словообразовательной производности [6, с. 29]. В неофициальных астионимах эти процессы продуцируют номинации, в которых производящей базой выступает официальный топоним, а формантами – разнообразные аффиксы, образующие однокорневые дериваты. Но поскольку речь идет об окказиональной деривации, то формантами могут быть как реальные аффиксы, так и

различные "квазиаффиксы". Корреляционное образование интересно представлено в названии Парижск - так иронически именовал столицу Франции Владимир Высоцкий, объясняя: "Париж – это провинция". Валерий Перевозчиков в книге "Владимир Высоцкий. Посмертная судьба" приводит слова В.Смехова, вспоминая разочарование актера после второго посещения Парижа: "В обыденности растаяло очарование. Город серых клерков, скупердяй на скупердяе, жизнь посвящена добыче франка..." [11]. В этом случае именно суффикс –ск выполняет оценочную функцию, коннотативно подчеркивая негативное восприятие "столицы мира" российским артистом. Идея провинциализма Парижа, маркированная суффиксом –ск, опирается на тот лингвистический факт, что имена обеих столиц России (да и абсолютное большинства столиц республик СССР – кроме Минска и некоторых автономных, – и, разумеется, все названия зарубежных столиц) не содержали в своей структуре этого форманта. Следовательно, аффикс –ск является в сознании носителей русского языка не просто "городским", но еще и "нестоличным".

Нестандартные коррелятивные однокорневые дериваты-топонимы с "квазипрефиксацией" ГЭбрянск, Гомск возникли в результате целостного прочтения сокращений г. Брянск, г. Омск, вызывающие у носителей языка определенные ассоциации. В экспрессивном астиониме ГЭбрянск нашла также отражение фонетическая особенность речи жителей города, которые произносят фриктивный звук [h] вследствие межэтнических контактов с территориально близкими Украиной и Беларусью. "Ситцевая" столица России Иваново представлена ироническим Нирваново-Вознесенск, актуализируя в сознании старое название Иваново-Вознесенск и относя к нирване – "блаженному состоянию покоя, достигаемому, согласно учению буддистов, путем полного отрешения от всего житейского" [16, с. 500], а согласно "Философской энциклопедии", в позднем буддизме нирвана становится неотличимой от небесного рая [7]. Но, судя по другому сленговому названию этого города, транслитерированного английской графикой UВАНОВО, вызывающего ассоциацию с Ухабово, - трудно вообразить его в качестве рая на земле.

Частным случаем корреляционного словообразования следует считать, по Е.С. Кубряковой, так называемую обратную деривацию [6, с. 32], примером которой в нашем материале выступает разговорный топоним Можай, зафиксированный еще В.И. Далем [4, с. 338]. И коррелятивное, и аналогическое словообразование в качестве "действующей пружины" имеют ассоциативную соотнесенность официальной и экспрессивной номинаций города.

Дефиниционные процессы словообразования базируются на мотивированности не словом, а суждением, высказыванием, содержащим дефиницию предмета, то есть на синтаксической основе. Такие процессы "имеют место тогда, когда наречению предмета или другого явления предшествует вынесение суждения о нем, основанного на приписывании ему определенных признаков и свойств" [6, с. 34]. В экспрессивном топонимиконе с названным типом мотивации, на наш взгляд, выступают астионимы, чью новую (возникшую в результате оценочно-экспрессивной трансформации) внутреннюю форму необходимо объяснять, интерпретировать. Таковы обозначения Барабашовск (Харьков, по названию огромного рынка, что возле станции метро им. академика Барабашова), Бабруйск (Иркутск, на гербе которого изображен бабр – "устаревшее название уссурийского либо амурского тигра"), Басурманск (Казань, столица Татарии. Басурман – устаревшее название людей иной веры, главным образом исповедующих ислам; использовалось и как бранное слово). Интересны в этом типе дериватов названия Москвы – Понаехавшиск, образованное (с полным игнорированием словообразовательной модели) от словосочетания с субстантивированным причастием "город понаехавших", свидетельствующее о демографическом состоянии столицы России (синоним Нерезиновая). На личность нынешнего мэра Москвы указывает наименование Собянинск. Подобных названий, мотивированных именами мэров, в

экспрессивном топонимиконе немало: деревня Добкино (Харьков), Лужква, Лужки (Москва) и др. Разумеется, они не носят характера "мемориальных", а скорее коннотируют с указанием на безраздельную власть, в том числе над городскими объектами и финансами, со стороны городских начальников. Итак, дериваты-топонимы, образованные в результате дефиниционного типа словообразования, обладают более сложной семантикой, чем предшествующие типы: они имплицитно включают всю пропозициональную семантику исходного высказывания и диалог с реципиентом.

Таким образом, рассмотренные нестандартные астионимы с суф. -ск, обладают, благодаря актуализации внутрисловных, межсловных семантических процессов и компонентов апперцепционной базы участников коммуникации, мощным экспрессивным и прагматическим потенциалом, динамизирующим коммуникацию молодежи, "легко идущей на самые неожиданные и подчас эпатажные инновации" [10, с. 60]. При этом сам суффикс не сдает своих позиций, проявляя продуктивность или сохраняясь во многих дериватах с трансформированной, по сравнению с исходным топонимом, структурой. Он может обладать оценочностью или не обладать ею; в этом последнем случае вся семантическая и экспрессивная нагрузка полностью падает на корневую морфему. Анализ топонимических производных по семантическим схемам, выделенным Е.С. Кубряковой, показал многообразие мыслительных механизмов в процессе креативной номинативной деятельности, от ассоциаций до сложного перекодирования аналитических номинаций в однословные. Молодёжные топонимические сленгонимы выявляют общую тенденцию языка к возрастанию удельного веса игровой коммуникации в массово-информационном и повседневном общении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гукова Л.Н. Экспрессивные топонимы как элементы ландшафтной картины мира / Л.Н. Гукова, Л.Ф. Фомина // И слово Ваше отзовется / Гуманитарный центр "Азбука". – К.: Издат. дом Дмитрия Бураго, 2012. – С. 90 – 102.
2. Гукова Л.Н. Экспрессивные номинации пространственных объектов в лингвокогнитивном аспекте / Л.Н. Гукова, Л.Ф. Фомина // Язык и ментальность: Сб. науч. ст. / Под ред. М.В. Пименовой. – СПб, 2010. – С. 312 – 319.
3. Гукова Л.Н. Типы неофициальных наименований географических объектов в современной русской речи / Л.Н. Гукова, Л.Ф. Фомина // Семантика и прагматика языковых единиц в синхронии и диахронии: Сб. науч. трудов. – Симферополь: КРП "Изд-во Крымнаучпедгиз", 2010. – С. 125 – 130.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – Т.2. – М.: Рус. яз., 1979.
5. Карпенко Ю.О. Стилїстика топонїмії / Юрій Олександрович Карпенко // Записки з романо-германської філології. – Одеса: Фенікс, 2008. – С. 53 – 59.
6. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений: Семантика производного слова / Отв. ред. Е.А. Земская. / Елена Самойловна Кубрякова. – Изд. 3-е. – М.: Книжный дом "ЛИБРОКОМ", 2009. – 208 с.
7. Кутасова И. Нирвана // Философская энциклопедия в 5-ти т. – М.: Сов.энциклоп., 1960 – 1970. Режим доступа: dic.academia.ru/dic.nsf/enc_philosophi/825

8. Морозова М.Н. Имена собственные русского языка (географические названия). / М.Н. Морозова. – Ч. 2. Учеб. пособие. – М.: Изд-во МГУ, 1977. – 96 с.
9. Отин Е.С. "Все менты – мои кенты..." (Как образуются жаргонные слова и выражения) / Евгений Степанович Отин. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Донецк, 2010.
10. Отин Е.С. Сленговые собственные имена в онимном пространстве современного русского языка / Евгений Степанович Отин // *λόγος όνομαστική*. - №1 (3), 2009. – С.59 – 63.
11. Перевозчиков В. Владимир Высоцкий. Посмертная судьба. – М.: Вагриус, 2003. – 1001.ru/books/vysotskij/051.htm.
12. Потанухина И.Н. Городская неофициальная топонимика / И.Н. Потанухина // *Русский язык в школе*. – 2008. – № 10.
13. Приходько А.И. О соотношении оценочности, эмоциональности и экспрессивности в языке / А.И. Приходько // *Язык и ментальность: сб. статей; отв. ред. М. Влад. Пименова*. – Санкт-Петербург: СПбГУ, 2010. – С. 317 – 321.
14. Разговорные и сленговые названия городов Украины. Режим доступа: best-ukraine.com.ua/index.html?go=11365.
15. Русская грамматика. – Т. 1. – М.: Наука, 1980.
16. Словарь русского языка в 4-х т. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Т.2. – М.: Рус. яз., 1982.
17. Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал / Василий Иванович Супрун. – Волгоград: Перемена, 2000. – 172 с.
18. Цеханович М.А. Суффикс –ск в русской топонимии и проблема наложения морфем в оттопонимических прилагательных // *Вестник ПСТГУ. III. Филология*, 2007. Вып.3(9). Режим доступа: pstgu.ru/download/1203350150.thsekhanovich.pdf